30 ЯНВ 1982

„МОЛОДОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК"
г. Хабаровск

Наш календарь

В ПОИСКАХ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ сказал как-то: «Поражает почти неправдоподобная яркость катаевской памяти».

Каждый, конечно, по-своему помнит какие-то эпизоды из раннего детства, из юности, помнит дорогих сердцу людей и случайные встречи на жизненном пути, города, в которых доводилось бывать, и квартиры, где приходилось жить. Но спросите себя: что осталось в памяти? И — как ни грустно — убедитесь, что осталось немногое. Время жестоко с мелочами, деталями, штрихами, оно сглаживает впечатления, как волна — шероховатости камня.

В этом отношении Катаеву дан счастливый дар: яркость воспоминаний. Его поздняя проза — «Кубик», «Волшебный рог Оберона», «Святой колодец», «Алмазный мой венец» — воспринимаются поэтому даже сильнее и образней, чем сюжетные, лихие, почти авантюрные, насыщенные действием повести и рассказы раннего периода. Впрочем, у всех произведений Катаева был свой читатель — наверное, потому, что в книгах его всегда присутствует биение времени.

Катаев родился в прошлом, затянувшемся веке, который кончился, пожалуй, только в семнадцатом году. Его экскурсы в детство уходят как раз в тот прошлый, затянувшийся век. И из того времени добывает он, как из волшебного рога, елочные орехи цвета зеркального золота, похожие на солнышки, зимнюю ночь, прозрачную, как лимонный леденец, аэроплан «фарман» со знаменитым борцом Иваном Заикиным за штурвалом, граммофон с трубой, как фантастически увеличенный цветок петунии, и с маркой фирмы «Голос моего хозяина». Это не размытые ностальгией смутные тени, а яркие картинки, выписанные щедрой кистью и смелой рукой. Не мемуары, а образы, подобные тем, которыми дарит нас лирическая поэзия.

Поэтом он, как известно, не стал, но близко познакомился с Буниным, Мандельштамом, Маяковским, Есениным, Асеевым, Багрицким, Пастернаком — самыми яркими звездами поэтического небосклона того периода. Теперь, когда никого из них уже нет, воспоминания, сохраненные Катаевым, не просто дороги — бесценны. И писатель распахивает перед нами тайники своей памяти. Он пишет с раскованностью мастера, умеющего владеть всем богатством материала, знающего ему цену и — не боящегося увязнуть в чужой славе. Последние книги Катаева — как протест против горьких слов Давида Самойлова:

Вот и все. Смежили
очи гении.
И когда померкли
небеса,
Словно в опустевшем
помещении
Стали слышны наши
голоса.
Тянем, тянем слово
залежалое,
Говорим и вяло,
и темно.
Как нас чествуют
и как нас жалуют!
Нету их.
И все разрешено.

Нету их. Но в парке Монсо среди скульптур, выполненных из околозвездного вещества — того вещества, из которого построена Вселенная, — Катаев уверенно определяет свое место. Рядом с Бабелем, Зощенко, Олешей, Владимиром Нарбутом, Михаилом Булгаковым, Ильфом и Петровым. Этот парк, превращающийся постепенно в переделкинский лес, завершает фантастическую в своей окрыленности книгу «Алмазный мой венец».

Но — существует или не существует — он искал ее последовательно и целеустремленно, как Марсель Пруст — свое утраченное время. И продолжает поиск, возвращаясь к старым героям с новой меркой, от имени новой эпохи.

Катаев давно искал свой стиль. Долго называл себя мовистом, выводя этот странный термин от французского «мовэ» — «плохо», утверждая, что старается писать хуже всех, «чтоб заметили». Но замечали его произведения не потому, конечно, тем более, что год от года язык его становился все звонче, а стиль все отточенней. Замечали, поскольку почти каждая вещь, вышедшая из-под пера Катаева, становилась явлением. Его эпопея «Волны Черного моря» охватывает почти полстолетия жизни страны и революционного движения в России — от событий 1905 года до подвига Великой Отечественной. В 1932 году писатель создал роман «Время — вперед!» о времени, которое строители новой жизни заставили мчаться быстрей — помните? — «Пятилетку — в четыре года!» В 1945 году Катаев закончил повесть «Сын полка», за которую был удостоен Государственной премии СССР. Этой повести особенно повезло: она вошла в школьные хрестоматии, в число тех немногих, избранных, рассказов, повестей, стихотворений, с которых начинается для школьников родная литература. Встала в один ряд с «Повестью о настоящем человеке» Бориса Полевого, с «Кавказским пленником» Льва Толстого, с «Капитанской дочкой» Александра Сергеевича Пушкина. Попасть в такое соседство — великая честь. Помню, как-то один из преподавателей Литературного института попытался воздействовать на студентов личным авторитетом, заявив: «Я специалист, обо мне даже в Большой энциклопедии сказано», на что услышал убийственный ответ: «Что в Большой! Специалисты — в Малой». Школьный учебник — самая малая энциклопедия, рассчитанная на самую широкую аудиторию. На завтрашних людей. Они начинают с «Сына полка», чтобы потом, уже за рамками школьной программы, когда-нибудь открыть «Алмазный мой венец». Или открыть «Маленькую железную дверь в стене» и вместе с писателем последовать за ленинской мыслью, за ожившими фотографиями и письмами вождя.

У Валентина Петровича Катаева за плечами — долгая жизнь, богатое событиями время. Великое время молодости и весны, а молодость и весна — приметы устремленности в будущее.

Ю. МАКАРОВ.